

УДК 008(100)

ОТ ПЕТИМЕТРОВ ДО ГЛАМУРА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

В. В. Волков, Л. М. Кузнецова

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

В статье констатируется, что современное русское *гламур* является лингвокультурологическим вариантом предшествующих заимствований типа *петиметр* и *комильфо*.

Ключевые слова: лингвокультурология, гламур, заимствования.

«Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» [Еккл. 1, с. 9]. Круг причин и следствий – как кундалини, змея, кусающая свой собственный хвост. Новые межэтнические, межгосударственные, межкультурные контакты – новые позитивные и негативные явления и слова, фиксирующие их. Затем борьба с «негативом» и его преодоление – всегда временное, потому что на смену тому, что преодолено, приходит то же самое – лишь в новом облиции.

Российский XVIII век, воспользовавшись открытыми воротами в Европу, славен оказался и таким противоречивым явлением, как *петиметры* (фр. *petit-maitre* ‘щеголь, франт; вертопрах’ – от *petit* ‘маленький > малый, незначительный > мелочный, ограниченный’ + *maitre* ‘господин; мастер своего дела, знаток’), в литературе тех лет – сатирический образ молодого щеголя, франта, вертопраха. Заимствованное явление – заимствованное слово, как и его синонимы и квазисинонимы *денди*, *пижон*, *плейбой*, *фат*, *франт* и современное *гламур*. Собственно русские в этом ряду – *стиляга* и *модник*, но тоже от иноязычных (*стиль*, *мода*) основ. Исконно русское – пожалуй, только *щёголь*, как метафора от *щегол* [11, т. 4, с. 498]. Неизбежный лингвокультурологический вывод: чуждо было явление *щегольства* для русской культуры, и не случайно на протяжении всех последних столетий последовательно осуждалось.

«...Нам просвещение не пристало, // И нам досталось от него // Жеманство, – больше ничего» [8, с. 40]. Пушкинская ирония равно актуальна и для его времени, и для восемнадцатого, и для начавшегося XXI века. *Петиметры*, *франты*, *стиляги*, *гламур*... Меняются слова, но неизменна суть: желание оказаться «над» остальными не за счет полезной деятельности, но исключительно за счет старательной акцентировки своей принадлежности к числу «избранных». Главное, что объединяет эти разновременные явления, – установка на внешний блеск при небрежении внутренним содержанием. Не душа, а тело главное в человеке – именно этот деструктивный, «дезинтегрирующий» [4, с. 13–20] социокультурный сигнал подают *пижоны* – от *петиметров* до современных *гламурных* личностей, именно эти доминанты составляют один из семантических центров показательных фрагментов произведений И. А. Крылова и Л. Н. Толстого.

В сатирической «Почте духов» И. А. Крылова высмеивается не сама установка на внешний блеск как причина небрежения духовным – обличаются следствия, порой в духе эпохи весьма жестоко.

Мировоззрение сатирика и баснописца формировалось на рационалистическом фундаменте Просвещения, и главную задачу «Почты духов» И. А. Крылов видел не столько в изображении правдивой картины современных читателю нравов за счет создания сатирических образов плутов, мошенников, светских щеголей и придворных льстецов, сколько в обличении «неразумного» общественного устройства и человеческих пороков [6, с. 134]. А чтобы обличить, осудить порок, недостаточно только констатировать, что люди живут не по кодексу чести, не признают никаких добродетелей, никакой морали, ничего должного. Необходимо вскрыть причины их порочных поступков, показать условия, в которых формируется и подержится нравственно дефектная картина мира, а ещё важнее – продемонстрировать цели (мотивы), которыми люди руководствуются в своих бесчестных действиях (погоня за деньгами, жажда власти, стремление к удовольствиям, любовным утехам и др.), чтобы тем самым убедительно доказать, что человеческие пороки (жадность, хитрость, жестокость, тщеславие и высокомерие, невежество и глупость, праздность и сластолюбие и др.) порождены не разумом, а страстями.

Специально петиметрам посвящено письмо X, главная тема которого – вопрос о наличии и устройстве души у петиметра и обезьяны. Развернутое сопоставление строится на тезисе: «...ежели полагать, что душа петиметра есть духовна, то надобно думать, что и душа обезьяны есть такова же» [5, с. 58]. Далее – обоснование, простое, наглядное и, в духе и логике рационалистических установок эпохи, вполне убедительное: если душа управляет телом, но тело петиметра ничего, кроме бессмысленных «обезьяньих» движений, не производит, то, следовательно, либо душа петиметра вещественна, либо душа обезьяны духовна, ср.: «Итак, посмотрим, какие суть действия и движения души петиметра? – Она, управляя телом, в котором имеет свое пребывание, иногда заставляет его свистать, иногда понуждает его танцевать, прыгать, скакать, вертеться, и все сие заставляет делать без всякой побудительной причины и столь поспешно, что всякий может приметить, что разум и рассудок нимало не вмешивается в сии прыжки и обороты. Подобно сему я вижу и обезьян скачущих, прыгающих и вертящихся, и когда рассматриваю внимательно все сии их движения, то нахожу точное подобие разных кривляний и прыжков молодого вертопраха, находящегося среди женщин» [5, с. 59]. И осматривает себя в зеркале петиметр с ужимками, точь-в-точь обезьяньими, и говорит он только «о причёске своих волос, о курчавости своего вержета, о размере своих буклей, о ленточном бантике и о прочем подобном сему вздоре. Итак, в ком можно найти столь совершеннейшее сходство?» [5, с. 59]. Сравнение, пожалуй, более обидное для обезьян, чем для петиметров: обезьяны все-таки не так озабочены именно внешним впечатлением, которое производят.

В автобиографической трилогии Л. Н. Толстого, в отличие от «Почты духов» И. А. Крылова, не саркастической насмешке, а взыскательному самокритичному анализу подвергаются не следствия, а причины бездуховного позерства: беспощадно ревизуется сама установка юного Николеньки Иртеньева «быть человеком *комильфо*». Такая установка – большое несчастье для человека, и мудрый Л. Н. Толстой это четко фиксирует, опираясь не на именование лица *петиметр*, которое из активного употребления уже ушло, а на *комильфо* – несклоняемое прилагательное, которое в контексте толстовского самоанализа обретает коннотативную энантиосемичность, осмысляется не как мелиоративное, но как пейоративное.

Быть человеком вполне благовоспитанным, человеком *comme il faut* для Николеньки Иртеньева настолько важно (как, надо полагать, было важно и для всех людей его круга в то время), что Толстой посвятил ему в повести «Юность» отдельную главу. Его герой так размышляет о необходимости быть благоприличным: «Род человеческий можно разделять на множество отделов – на богатых и бедных, на добрых и злых, на военных и статских, на умных и глупых и т. д., и т. д., но у каждого человека есть непременно свое любимое главное подразделение, под которое он бессознательно подводит каждое новое лицо. Мое любимое главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было на людей *comme il faut* и на *comme il ne faut pas*. Второй род подразделяется еще на людей собственно не *comme il faut* и простой народ. <...> *Мое comme il faut* состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. <...> Второе условие ... были ногти – длинные, отчищенные и чистые; третье было умение кланяться, танцевать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушие ко всему и постоянно выражение некоторой изящной, презрительной скуки. Кроме того, у меня были общие признаки, по которым я, не говоря с человеком, решал, к какому разряду он принадлежит. Главным из этих признаков, кроме убранства комнаты, печатки, почерка, экипажа, были ноги» [10, с. 231–232].

Лев Толстой, отделенный от своего героя – практически от самого себя – известным возрастом, сожалеет: «Страшно вспомнить, сколько бесценного, лучшего в жизни шестнадцатилетнего времени я потратил на приобретение этого качества. ...это было необходимое условие жизни, без которого не могло быть ни счастья, ни славы, ничего хорошего на свете. Я не уважал бы ни знаменитого артиста, ни ученого, ни благодетеля рода человеческого, если бы он не был *comme il faut*. Человек *comme il faut* стоял выше и вне сравнения с ними; он предоставлял им писать картины, ноты, книги, делать добро, – он даже хвалил их за это, отчего же не похвалить хорошего, в ком бы оно ни было, – но он не мог становиться с ними под один уровень, он был *comme il faut*, а они нет, – и довольно» [10, с. 232–233].

Однако главное зло Толстой видит не в этом. Главное зло, проистекающее из установки человека быть обязательно человеком *comme il faut*, – в ожидании весьма своеобразного вознаграждения за эту способность «быть *comme il faut*»: «...ни потеря золотого времени, употребленного на постоянную заботу о соблюдении всех трудных для меня условий *comme il faut*, исключавших всякое серьезное увлечение, ни ненависть и презрение к девяти десяткам рода человеческого, ни отсутствие внимания ко всему прекрасному, совершающемуся вне кружка *comme il faut*, – все это еще было не главное зло, которое мне причинило это понятие. Главное зло состояло в том убеждении, что *comme il faut* есть самостоятельное положение в обществе, что человеку не нужно стараться быть ни чиновником, ни каретником, ни солдатом, ни ученым, когда он *comme il faut*; что, достигнув этого положения, он уж исполняет свое назначение и даже становится выше большей части людей» [10, с. 233].

Петиметры И. А. Крылова, в отличие от автобиографического персонажа Л. Н. Толстого, никаких угрызений совести не испытывают, притом что последствия образа жизни петиметров катастрофичны как для их благосостояния, так и для их крепостных, вынужденных платить за прихоти их хозяина непосильным трудом. «Адское мучение» петиметры испытывают только оттого, что привычный образ жизни может быть омрачен разорением: «...петиметр,

невзирая на все свои веселые прыжки, ощущает во внутренности своей души адское мучение, воображая страшную ту минуту, когда безжалостные заимодавцы, потеряв терпение, заграбят последние остатки промотанного им имущества и, для благонадежности в уплате достальных долгов, посадят его, может быть, на всю его жизнь в тюрьму» [5, с. 179].

Яркое явление наших дней – *гламур*, представители которого похожи на юного Николеньку Иртеньева стремлением быть своими в кругу нынешнего «света», который «гламурияне», в неуместное подражание старой аристократии, периодически называют «высшим», и одновременно сродни петиметрам И. А. Крылова – полным неосознанием порочности «гламурных» внутренних установок.

Однако предшествующий культурный опыт не пропал втуне, не забылся. На русской почве феномен «гламурности» сразу обнаружил аксиологическую амбивалентность, а вслед за ней и существительное *гламур* обрело налет пейоративности, фиксирующий отношение к гламуру как к чему-то этически предосудительному [3]. Эта пейоративность в словарных пометах не фиксирована, но хорошо просматривается, например, в пространной текстовой иллюстрации Словаря начала XXI века, ср.: «*Гламур*... магическое обаяние, шарм, внешний блеск, лоск. Как понятие гламур занял заметное место в культуре лишь XX века, в особенности с приходом кино, а точнее, с рождением Голливуда, “фабрики грез”, сумевшей придать своим секс-символам общемировой статус. <...> Когда удовольствие стало *modus vivendi* (“эпоха джаза”, “эпоха чарльстона”), когда семейные узы всячески ослабли, а женщина эмансипировалась, когда кино, со своей стороны, вышло из гетто плебейства, а Голливуд стал всемирным поставщиком “образа жизни”, его суперзвезды обрели гламур, а гламур обрел в их лице свое воплощение» [9, с. 247]. Как видим, *гламур* изначально ассоциируется с «фабрикой грез», сексуальной раскрепощенностью, ослаблением семейных уз, гедонистическими установками.

Коннотативная бимодальность *гламура* хорошо просматривается в его дериватах, к настоящему времени сложившихся в достаточно обширное словообразовательное гнездо, ср.: антигламур и арт-гламур, треш-гламур, карго-гламур, диско-гламур, гламур-блеск, гламурище, антигламурный и контргламурный, гламурность и негламурность, гламурный, гламурно и гламурненько, гламурно-глянцевый (журнал, обозреватель), гламурно-коммерческая (среда), гламурьё, прагламур, пригламурить, ретро-гламур, стильно-гламурный (антураж), ультрагламурный [2, с. 7].

Суммарно процесс охвата *гламуrom* заинтересованного в этом явлении населения фиксируется отглагольным сущ. *гламуризация*, постоянные обитатели уже даже не архипелага, а целого континента [1] Гламур – гламуриянин, гламуриянка, гламурщик, их основное занятие – гламурничать, выгламуриваться.

Исследователи отмечают, что сочетаемость инициального в этом гнезде сущ. *гламур* постоянно расширяется, впитывая различные метафорические краски: безобразный, белый, в извращенной форме, всеильный и победительный, душеспасительный, коричневый, крутой, литературный, мертвый, многопудовый, московский, натуральный, остросоциальный, под взбитыми сливками, по-деревенски, под копирку, подозрительный, полный, российский, русский, свежий, сдержанный, скромный, с мужским лицом, спортивный, столичный, ТАТУированный, театральный, термоядерный, уездный, уличный, хоккейный, хорошо переваренный, цветочный [7]. Не отстают в расширении сочетаемости и

производные слова: гламурный журнал, гламурное фото, гламурная модель, гламурный фашизм (марксизм), гламурная партия, система гламуризации, большой гламурный обман и мн. др.

Гламур более опасен, чем предшествовавшие ему аналогичные явления. Если *петиметры* XVIII века, *франты* и *dandy* пушкинской эпохи, *комильфо* времен Л.Н. Толстого носили, выражаясь современным языком, узкокорпоративный характер, не выходили далеко за пределы «образованных классов», то агрессивной экспансии современного *гламура* благодаря СМИ подвергаются все слои населения.

Список литературы

1. Богомолов Ю. Архипелаг Гламур, ставший континентом. Хроника телевизионного сезона 2008/2009 // Журналист. 2009. № 8. С. 39.
2. Буряковская В. А. Концепт «Гламур» в текстах СМИ // *Lingua mobilis*: Научный журнал. Челябинск, 2011. № 3 (29). С. 120–127.
3. Волков В. В. «Гламурная» ментальность в зеркале журнала «*Glamour*» // Язык и культура: сб. материалов IV Международной научно-практ. конференции. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. С. 176–180.
4. Волков В. В. Филология в системе современного гуманитарного знания: уч. пособие; Тверской гос. ун-т. Тверь: Изд-ль Кондратьев А. Н., 2013. 221 с.
5. Крылов И. А. Почта духов // Крылов И. А. Сочинения: в 2 т. М.: Изд-во «Правда» (б-ка «Огонек»), 1969. Т. 2. Повести и сатиры. С. 3–288.
6. Кузнецова Л. М. Причинные конструкции в «Почте духов» И. А. Крылова как выражение рационализма эпохи Просвещения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Вып. 1. 2012. № 4. С. 133–139.
7. Михейкина С. Г. «Полный гламур» // Русская речь. 2009. № 1. С. 126–127.
8. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Худож. лит-ра, 1975. 520 с.
9. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика; под ред. Г. Е. Складчиковой. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.
10. Толстой Л. Н. Юность // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 1: 1850–1856. М.: Наука, 2000. С. 154–276.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 4. Т – ящур, 1987. 864 с.

**FROM *PETIT-MAÎTRE* TO *GLAMOUR*:
THE SOCIOCULTURAL REASONS AND LINGUOCULTURAL
MANIFESTATIONS**

V. V. Volkov, L. M. Kuznetsova

Tver State University
The department of Russian language

The authors prove that the modern Russian гламур is a linguoculturological variant of previous borrowings like *нетиметр* and *комильфо*.

Key words: *linguoculturology, glamour, borrowings.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, ул. Желябова, д. 33), e-mail: Volk7Valery@yandex.ru

КУЗНЕЦОВА Лидия Михайловна – старший преподаватель кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, ул. Желябова, д. 33), e-mail: klm-x@mail.ru